

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX века

Н.А. Проскуракова

В процессе ускоренной модернизации во второй половине XIX – начале XX века в России формировались предпосылки гражданского общества. Этому способствовали: коммерциализация экономики, секуляризация и индивидуализация сознания образованной части общества, рационализация и легализация социальных и политических отношений, постепенная централизация и интеграция политической, экономической и культурной сфер общества.

К началу XX века в России было уже достаточно много элементов гражданского общества – добровольные общественные организации, критически мыслящая общественность, общественное мнение, с которым считалась государственная власть, свободная пресса и деятельность политических партий (после 1905 года). В принципе сформировался механизм, обеспечивающий передачу общественных требований властным структурам.

Вместе с тем, социально-политическая и социокультурная специфика России обусловила сложность, противоречивость, фрагментарность модернизационных процессов и наиболее интегрального из них – складывания гражданского общества.

Модернизация политической системы является одним из необходимых

условий формирования гражданского общества. Она заключается: в усилении центральной власти (как законодательной, так и исполнительной) и ее разделении; способности государства к структурным изменениям в экономике, политике и социальной сфере при сохранении стабильности и внутренней сплоченности общества; включении все более широких масс населения в политический процесс; установлении политической демократии и изменении способов легитимации власти.

Итогом этих изменений становится образование правового государства. Государство в ходе модернизации не конструирует гражданское общество. Его формирование в значительной степени носит стихийный характер и является результатом всех модернизационных, идущих «снизу» усилий общества, протекает в определенном социокультурном контексте и испытывает влияние внешних воздействий.

Государство может целенаправленно создавать (или не создавать) условия для формирования гражданского общества. Это в значительной степени зависит от того, насколько верховная власть и общество осознают необходимость модернизации в новых исторических условиях и могут взаимодействовать на основе социального партнерства.

Особенности российской модернизации в значительной степени оп-

ределялись тем, что Россия являлась империей. Империи подразделяются на традиционные (классические) и колониальные империи нового и новейшего времени. Традиционные империи типологически делятся на патримонные империи (империя франков Карла Великого), империи кочевников и централизованные бюрократические империи.

Системными признаками всех традиционных империй являются следующие черты: 1) сакральный характер власти и наличие в политической легитимации государства абсолютных, универсальных компонентов, т.е. ориентации власти на абстрактно-рациональную и исторически неподвижную «вечную» систему норм и ценностей; 2) наличие в политической практике государства устойчивых тенденций к территориальному расширению (территориальной экспансии); 3) наличие центра и периферии, окраин и провинций; 4) отсутствие или ограниченность ассимиляции населения вновь включаемых территорий – этнокультурная и этнополитическая неоднородность.

Классические империи в Новое время в условиях модернизации сталкиваются с двумя противоположными импульсами: с одной стороны, объективной необходимостью запуска модернизационных процессов, как способа обеспечения экономической и военно-политической конкурентоспособности по отношению к странам, уже вступившим на этот путь, с другой стороны, необходимостью блокировать разрушительное воздействие модернизации на все составляющие имперской социально-политической системы. Естественной реакцией на это противоречие является попытка максимально ограничить сферу действия

модернизационных процессов, в результате чего складывается т.н. «имперская модель» модернизации. Тот временной интервал, в течение которого этот баланс удается удерживать, определяет продолжительность существования империи в эпоху модернизации. В разных имперских системах эти процессы имели свои особенности.

Проблемы своеобразия российской имперской системы XVIII–XIX веков и особенностей российской модернизации в условиях империи стали изучаться отечественными обществоведами сравнительно недавно. Между тем, без учета этого фактора (имперского) нельзя объяснить специфику проявления модернизационных процессов в России в Новое время.

Российской империи были свойственны все вышеназванные признаки классических империй: имперская универсальная идея и самодержавная власть, экспансионизм и колониализм, централизация и иерархизация власти, общества и культуры, полиэтничность и социокультурная неоднородность.

Самодержавие было политическим ядром империи как социально-политической системы. В самодержавии, как в любой политической системе, в качестве основополагающих можно выделить следующие структурные компоненты (подсистемы): 1) **институциональный** – структура органов государственной власти, государственный строй; 2) **нормативный** – устоявшийся в обществе тип принятия решений, господствующие методы политического принуждения, право и судебная система, принципы и нормы политической этики; 3) **культурно-информационный** – идеи, традиции, а также символы, ритуалы – символическая природа легитимнос-

ти власти; 4) **функциональный** – внутренняя и внешняя политика. В реальности все компоненты были неразрывно взаимосвязаны, влияли друг на друга и функционировали в определенном социо-культурном контексте.

Самодержавие как исторически сложившаяся форма неограниченной монархии в России имело более чем четырехсотлетнюю историю. На протяжении XVI–XIX веков его структурные компоненты претерпели определенную эволюцию, но неизменными остались: неограниченная власть монарха (персонификация власти), идея божественного происхождения власти (сакрализация власти), подчинение общества государству (этатизация социальности).

В России, в условиях «имперской модели» неорганической модернизации, инициатором модернизации являлась самодержавная власть (императоры и имперская элита), для которой модернизационные преобразования служили средством сохранения и укрепления империи, усиления ее военно-политических позиций на внешне-политической арене и влияния в православных странах. Последнее было связано с фундаментальной установкой имперской парадигмы на самоидентификацию в качестве центра православного мира («Москва – третий Рим»).

Модернизационные мероприятия правительства носили преимущественно селективный (выборочный) характер и проявлялись, прежде всего, в заимствовании технико-технологических и организационно-экономических достижений более развитых стран, обновлений институциональной структуры самодержавия с целью централизации власти. Даже преобразования 60–70-х годов – самый масш-

табный модернизационный проект самодержавия в XIX веке – осуществлялись с целью сохранения имперского *status quo*.

Самодержавие XVIII–XIX веков часто определяют понятием абсолютизм, утверждение которого связывается с реформами Петра I. Создание рационально управляемого государства (в терминологии самого Петра I – «регулярного») было главной целью петровских преобразований. В связи с этим важно подчеркнуть, что в качестве идеальной модели, в соответствии с которой реформировалась империя в начале XVIII века, были избраны отличные от нее (генетически и структурно) европейские, локальные монархии (не империи). В условиях полиэтничности российской империи, разнообразия культурных традиций «русский абсолютизм» имел ярко выраженную специфику, которая проявлялась в ограниченности сферы действия самодержавного монарха. «Абсолютизм» верховной власти охватывал лишь определенную зону стандартизированной политической коммуникации. Для политической системы Российской империи была характерна политическая неоднородность, которая проявлялась в сосуществовании двух типов политической активности (деятельности), политических структур и ориентации: рационалистических (дифференцированных) и традиционных (нерасчлененных).

При традиционной властной организации, сохранившейся на окраинах империи, имел место смешанный характер функций в аппарате управления: нерасчлененность иерархии должностных лиц и религиозное освящение власти местных правителей. С другой стороны, наличие структур

западного типа в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском, вошедших в состав Российской империи в начале XIX века, изначально было расценено как основание для создания здесь «конституционного пространства».

Полиэтническая неоднородность политического пространства Российской империи в ходе Великих реформ была «дополнена» институциональной неоднородностью: выборный принцип формирования органов местного самоуправления (земских и городских) вступал в противоречие с абсолютной властью монарха и традиционным содержанием ее легитимации. Таким образом, централизация самодержавно-имперской политической системы (сосредоточение управленческой власти в центре) сочеталась с деконцентрацией (делегирование части властных полномочий от центральных органов государственного управления к местным) и децентрализацией (передачей некоторых государственных функций выборным органам самоуправления).

Легитимация самодержавия во второй половине XIX – начале XX века продолжала сохранять двойственный характер. С одной стороны, консервировался иррациональный традиционно-сакральный патримониальный (династический) принцип властвования российских самодержцев, с другой стороны, в правовой регламентации российской монархической системы, формировании публичных юридических прерогатив неограниченного монарха нашло отражение рациональное начало, имевшее «европейское происхождение» и проявившее себя еще при Петре I и Екатерине II. Это рациональное начало нашло выражение в подчинении вер-

ховной власти закону, введенном Сводом законов Российской империи в 1832 году (при сохранении всей полноты власти в руках монарха), а также в ограничении власти коронных учреждений и чиновников административным правом и административной юстицией. Правовая регламентация бюрократического управления не изменила реальную политическую практику или, как говорят политологи, политический режим самодержавия. Политический произвол власти в отношении своих подданных, отношение к народу как к объекту власти являлось неотъемлемой чертой самодержавия.

Идеология самодержавия, сохраняя свое традиционное смысловое ядро, не раз претерпевала изменения, приспособляясь к «вызовам времени». В качестве ответа на происходившие перемены имперский центр (императоры, имперская элита) прибегал к рациональному переосмыслению государственной идеологии, которое находило выражение, прежде всего, в актуализации ее национально-государственного начала. Национально-государственный компонент идентичности имперского центра, усиливавшийся к началу XX века, имел не только религиозный (православный), но и этнокультурный характер («Россия для русских»). Национально-государственный «оттенок» идеологии и политики имперского центра разрушал имперскую идею и формировал предпосылки разрушения самой империи, вызывая протестные движения среди полиэтнического населения окраин.

Отличительной чертой самодержавия Нового времени было огосударствление церкви и превращение ее фактически в звено государственной системы, а духовенство – в государственных служащих. Огосударстве-

ние церкви резко ограничило возможность создания новых систем ценностей, адекватных потребностям модернизации, как это произошло на Западе, где духовно-религиозное обновление (реформация, контрреформация) способствовало формированию нового типа личности.

В связи с этим важно подчеркнуть, что последовательную модернизацию осуществляют общества, в которых существует традиция сакрализации таких атрибутов современного общества, как верховенство законов, собственность, гражданские права. И наоборот, те общества, где такая традиция не сложилась, «обречены» на «затяжную» модернизацию и перманентный характер социальной напряженности.

В российской империи модернизационные преобразования жестко контролировались властью и зачастую проводились насильственными методами, без учета готовности к ним общества, отношения с которым строились на основе принципов патернализма – архетипа российской, культурной традиции, идущей из глубины веков. Патернализм как норма общественных отношений предполагает покровительство власти народу, который за это берет на себя добровольные обязательства и оказывает ей (власти) поддержку. Патерналистская (или патриархальная) модель социальных отношений сохранялась даже в начале XX века, но была сильно подорвана социальными катаклизмами революции 1905–1907 годов. Самодержавие, иницируя модернизационные преобразования (вызываемые как внешними, так и внутренними причинами), не ставило цели заинтересовать общество, развивать общественную инициативу, вступать в открытый диалог с общественностью. В условиях огосудар-

ствления не только церкви, но и общества, в России, вплоть до начала XX века, отсутствовали публичные механизмы формирования общественных интересов (т.е. осознанных или ставших традицией и воспринимаемых как должное ценностных приоритетов). За общество это делал государственный аппарат (высшая бюрократия), при этом политические приоритеты государства выдавались властной элитой за национальные (общественные) интересы.

Противоречивый характер модернизационного процесса в России наиболее рельефно проявлялся через циклы реформ и контрреформ, осуществляемых самодержавной властью. Реформы (трансформации в различных сферах государства и общества), осуществляемые самодержавной властью, можно подразделить на «системные» и «сегментарные». «Системные» реформы приводят к качественным изменениям во всех сферах жизни общества и являются ширококомасштабными реформами, составляющими основу определенной фазы модернизации («великие реформы» 60–70 годов XIX века). Особенностью таких преобразований в условиях «имперской модернизации» было то, что характер и последствия этих реформ вступали в противоречие с государственной парадигмой, основанной на принципах персонификации централизации власти и иерархизации общества.

Кроме этого, отвечая на «вызовы времени», власть постоянно «подновляла» или «заменяла», а то и создавала новые отдельные элементы социальной системы. Это второй тип реформ – «сегментарный» (или «элементарный»), связанный с преобразованием отдельных отраслей управления,

просвещения, финансов и денежного обращения и т.д. И те, и другие типы реформ тесно взаимосвязаны между собой и вытекают одна из другой.

Реформы, особенно «системные», независимо от субъективных устремлений власти, вели к усложнению, дифференциации социальной системы, а это, в свою очередь, дестабилизировало социальную ситуацию. С целью интеграции общества государственная власть проводила контрреформы, т.е. вносила коррективы в функционирование реформированных структур. В ходе контрреформ самодержавие пыталось разрешить противоречия, порожденные реформами, реактуализируя традиционные ценности и институты. Для периода контрреформ было характерно усиление реакции как защитной формы функционирования власти на вызовы модернизации. После контрреформ государство, всегда играющее роль главного субъекта преобразований в стране, «впадало» в некую стагнацию, теряло инициативу – и вскоре выяснилось, что необходим новый поворот к реформам как ответ на новые «вызовы времени».

Верхушечный характер имперской модернизации вел к тому, что ни одна из периодически осуществлявшихся реформ не была проведена комплексно, последовательно и до конца. Каждое следующее поколение реформаторов получало в наследство незавершенные реформы, что, в свою очередь, тормозило их собственные преобразования.

Государственная элитарная модернизация не исключала модернизационных процессов, идущих «снизу», со стороны общества, которые проявлялись в становлении новых форм деятельности, идей и ценностей. Эти

процессы шли медленно и противоречиво и охватывали лишь незначительную часть населения. У большинства населения России не сформировалось новой мотивации деятельности и новой системы ценностей, основанной на развитии собственно российской, культурной традиции. Отсюда и отторжение этим большинством институтов и ценностей модернизированного (современного) общества (законности, собственности, гражданских прав) и формирование защитных механизмов традиционной культуры в форме массовых крестьянских движений, «беспощадных», но не «бессмысленных» (бунтов, волнений).

Образованное общество, особенно интеллектуальная элита, играют весьма важную роль в модернизационном обновлении общества, обеспечивая его культурно-ценностную «перенастройку» (секуляризация культуры, культурный плюрализм, сциентизм и др.). В дореволюционной России интеллектуальная элита, с одной стороны, испытывала сильное влияние традиционно-религиозных ценностей всего общества, из разных сословных страт которого она и формировалась, с другой стороны, интеллектуальное меньшинство активно осваивало и усваивало западноевропейские ценности (гражданские права и свободы, выборное представительство, конституция), пытаясь соединить их с базовыми компонентами культуры.

Отличительной чертой российской модернизации было то, что не только традиционалистское большинство народа, но и «вестернизированная часть общества» не осознавала характер реформационных (модернизационных) усилий государства, постоянно выступая в качестве оппозиции власти. Оппозиционность могла про-

являться в различных идеологических формах (консервативных, либеральных, леворадикальных), заимствованных на Западе, но получивших национальное «обличье» («русский консерватизм», «русский либерализм» и т.д.). Важно отметить, что со времени П.Я. Чаадаева «вселенская миссия» России тематизировалась как основной вопрос русской общественной мысли, практически вне зависимости от любых идеологических разногласий (дискутировалось лишь ее содержание). Любое «ослабление» имперской идеи в государственной деятельности вызывало недовольство за пределами правительственных сфер. Это свидетельствует о глубокой укорененности имперского универсализма даже в тех слоях общества, которые в наибольшей степени были подвержены европейскому влиянию и демонстрировали эмансипацию от власти.

Противостояние власти и общества, несформированность социо-культурных предпосылок обрекали авторитарное реформаторство на неудачу как с позиций интересов самой власти (сохранение и укрепление империи), так и в контексте перспектив модернизационного процесса. К тому же, модернизация, осуществляемая в пределах российского имперского пространства (имеются в виду государственные границы), имела территориально-неравномерный характер. Значительная часть населения окраин была исключена из сферы реформаторских усилий государства и вообще не была затронута модернизационными процессами, либо они имели анклавный (локальный) характер.

В условиях модернизации чрезвычайно сложным является процесс становления предпосылок, институтов и практик гражданского общества и

гражданской нации как важнейшего результата модернизационных усилий общества. Содержание понятия гражданского общества охватывает целостную совокупность политических, духовных и экономических отношений в обществе. Гражданское общество – это область спонтанной самореализации людей (либо в ипостаси свободных индивидов, либо в виде их добровольных объединений), защищенная соответствующими правовыми нормами от любых проявлений односторонней регламентации их деятельности со стороны государства и его органов.

Гражданское общество как идеальная модель состоит из четырех основных элементов (подсистем): «гражданские права», «гражданские институты», «гражданские практики» и «гражданские ценности». Набор кодифицированных законом прав – необходимость гражданского общества. В этом смысле право понимается как статус, институционализированный в политическом строе. Права включают – право на гражданские свободы, право на определенную социальную поддержку, право на защиту граждан от любой дискриминации, с другой стороны, гражданское общество – это пространство культурных и идеологических практик, через которые граждане борются за свои права. Эти формы включают гражданские выступления и действия, нацеленные на государство или реализуемые через частные корпорации, локальные общности во имя перемен в публичной практике и в сознании людей.

Понятие «гражданские институты» включает различные общественные организации, которые являются отражением уровня и масштабов самоорганизации общества и его социальной активности. При этом под соци-

альной организацией понимается форма устойчивого объединения людей, преследующих некие групповые цели и удовлетворяющих интересы и потребности, связанные с их коллективным существованием, что обеспечивается относительно стабильным уровнем упорядоченности в структурном построении, разделении функций и согласованности действий субъектов сообщества.

Такого рода упорядоченность в формах сосуществования и коллективной жизнедеятельности людей детерминируется не только сходством их социально-значимых целей, интересов и потребностей прагматического характера (жизнеобеспечение, хозяйственная деятельность), но и близостью (или единством) их наиболее важных ценностных установок, элементов социального опыта, миропредставлений, образов самоидентификации, идеологии, нравственных принципов и других «скреп» социальной консолидации, представляющих собой идеациональную (ментальную) составляющую их социальной организации.

«Гражданские ценности» – важнейший атрибут гражданского общества, т.к. только развитая нация с устоявшимися гражданскими ценностями и институтами может быть гарантом от перерождения демократического (с точки зрения правовой основы) государства в диктатуру. Под ценностями, в данном случае, понимаются важнейшие компоненты человеческой культуры, наряду с нормами и идеалами. Ценности трактуются как смыслы и через них (или напрямую) как стратегии жизни, деятельности, поступков, решения и т.д. (в этом отношении их можно рассматривать как механизмы смыслового удержания человека в мире).

Вырастая из данности жизненного мира, каждая сфера деятельности человека обладает имманентным ей ценностным измерением, а ценности материальной жизни, экономики, социального порядка, политики, морали, искусства, науки, религии достаточно автономны. Однако каждый тип культуры связан с иерархизацией, сосредоточением ценностных структур. Общеизвестна универсализация эстетического подхода к миру в эпоху античности или религиозно-нравственности – в средние века. Новое время (период модернизации) наделяет статусом общезначимых в экономике – стоимостные характеристики, запечатленные в денежной символике, в политике – приоритет права, правовое обеспечение личности и приоритет гражданских ценностей в межличностных отношениях. Гражданское самосознание и, соответственно, гражданские ценности складываются в процессе осознания обществом своих интересов по отношению к государству. Базовым признаком гражданского общества является преобладание общегражданской идентичности по сравнению с этнической, конфессиональной и региональной.

Иначе говоря, гражданское общество – это такая структура, в которой все его субъекты – человек, социальные организации и государство – образуют устойчивое единство. Характерными чертами этой структуры являются: 1) развитые экономические, политические, социальные и культурные отношения между его субъектами; 2) наличие правового государства, которое само подчиняется созданным им законам, регулирует общественные отношения и конфликты правовыми и политическими средствами; 3) обладание гражданами полным на-

бором гражданских и политических прав; 4) постепенное превращение общества в самоорганизующуюся систему, где все группы населения имеют возможность выражать и осуществлять свои интересы через разнообразные организации и ассоциации (действующие легально в рамках закона) вплоть до участия в общественных общенациональных организациях, партиях и представлять свои интересы в представительном органе правового государства; 5) основной субъект гражданского общества – человек – обладает гражданским сознанием. Для него характерными чертами являются: приоритет общегражданских ценностей, развитое правосознание, рационально мотивированная общественная дисциплина, социальная ответственность и социально активная позиция; 6) основой взаимодействия субъектов гражданского общества (личности, общества, государства) являются – социальный компромисс, социальное партнерство, целесообразность, взаимный интерес, толерантность.

Становление гражданского общества – это длительный процесс, в котором изменяются все его субъекты – человек, организации, государство и отношения между ними. Становление гражданского общества протекает в определенном социокультурном контексте и имеет свои особенности в каждом социуме, которые проявляются в сочетании элементов традиционализма и модернизации и механизма их взаимодействия.

Процесс формирования гражданского общества теснейшим образом связан не только с ходом политической модернизации, но и со складыванием нации. В современном общественном сознании существуют несколько под-

ходов к трактовке наций. Их можно типологизировать, исходя из основного смысла идентификации национальной общности. В первом случае понятие нации употребляется в этническом смысле (нация = этнос), во втором – нация воспринимается как синоним государства (нация = государство), в третьем, в общественной трактовке нации, она понимается как гражданская нация (nation-state). Гражданская нация может сформироваться только в условиях демократического государства. Ее базовым принципом является преобладание единой гражданской идентичности населения (граждане единой страны) по сравнению с этнической, конфессиональной, региональной. Отсюда следует, что гражданская нация, как общество, объединенное единством гражданских ценностей, исключает любые формы неравенства. Она не только легитимизирует государство, но формирует национальные интересы, которые должны «переплавляться» государством в политические стратегии. Пока гражданская нация не сформировалась, роль выразителя «национальных интересов» берет на себя государство. В данном случае общественный интерес выступает как приоритетно государственный и часто не совпадает с «национальными интересами».

Гражданская нация представляет ипостась гражданского общества, а это значит, что там, где нет гражданской нации, нет и гражданского общества. В связи с этим, очевидно, что понятие «гражданское общество» включает в себя не только «права» и «практики», но и общегражданские ценности. Переход от вненационального развития к гражданской нации в империях, по мнению современных общест-

воведов, носит универсальный характер, однако траектория этого движения может быть различной. В любом случае это связано с формированием этнического и национального (гражданского) самосознания и утверждением в обществе приоритета общегражданских ценностей.

Национальное и этническое самосознание имеет разную форму: национальное складывается в процессе осознания обществом своих интересов по отношению к государству, а этническое – во взаимоотношениях одной этнической общности с другой или с другими. По своей самой природе этническое сознание нейтрально, но под влиянием элит оно может приобрести политическую направленность в случае использования этнического национализма в политических целях. Для большинства государств – бывших колоний этнонационализм используется политическими и интеллектуальными элитами как трамплин на пути к осознанию идей гражданской нации.

Этнические нации формируются как на окраинах империй, так и в центре (метрополии). Антиколониальная этническая мобилизация окраин (элиты, массовые национальные движения) с одной стороны, и нарастание национализма этнического большинства, с другой – проявляются, прежде всего, в идеологии и политике имперского государства и националистически настроенных элит и являются одним из главных факторов распада империй.

В XIX веке в пределах российского имперского пространства происходил переход от вненационального к национальному развитию общества. Этническая форма развития наций (русской, украинской, польской,

финской и др.) в центре и на окраинах империи проявлялась в росте национального самосознания как на уровне элитарного, так и массового сознания. Становление этнических форм развития наций сопровождалось идейно-ценностным и институциональным оформлением этнического национализма в виде доктрин, элементов государственной идеологии, массовых национальных движений, национальных леворадикальных движений (армянского, польского, еврейского), межэтнических конфликтов.

Жители Российской империи, будучи подданными императора, не являлись гражданами, т.к. не были наделены правами, защищающими их от деспотизма со стороны государства и превращающими в субъектов политики. Великие реформы создали предпосылки для роста активности населения, находившего проявление в различных формах деятельности (земской, научной, сословно-корпоративной, благотворительной), однако, инициируя реформы, государство жестко контролировало любые формы самоорганизации общества и не допускало его вторжения в сферу политики.

В российской империи так и не сложилось гражданское общество, несмотря на активизацию общественности во второй половине XIX века и те изменения в системе политической власти, которые произошли в начале XX века, когда началось оформление институтов правового государства и формирование пространства борьбы общества за требования своих прав в рамках закона. Однако имперское сознание наиболее политически активной части этнического большинства, политический индифферентизм российской буржуазии (на Западе граж-

данские ценности первоначально складывались среди горожан и буржуазии), антибуржуазный менталитет большей части населения (в том числе и интеллигенции), слабая секуляризация массового сознания, нарастание этнонационализма на окраинах (Польша, Финляндия) – все это делало практически невозможным «вызревание» гражданских ценностей, а следовательно, и формирование гражданской нации как совокупности людей, идентифицирующих себя с целым (т. е. со всем обществом) и осознающих свое единство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. – 1992. – № 4.
2. Ванштейн П.И. Гражданское и демократическое общество – знак равенства?! // Проблемы гражданского общества. Материалы научного семинара. Вып. 1.
3. Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества в ее историческом развитии – М., 1995. – С. 72.
4. Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // Социологические исследования. – 1997. – № 3.
5. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса / Под ред. В.В. Ильина). – М., 1996; Три века отечественных реформ // Pro et contra. – 1999. – Т. 4. – № 3; Реформы в России XVI–XIX вв. – М., 1992; Российские реформаторы в России. – М., 1996; Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Отв. ред. Б.В. Ананьич. – СПб., 1996.
6. Ильин М.В., Коваль Б.И. Две стороны одной медали: гражданское общество и государство // Полис. – 1992. – № 1–2.
7. Капеллер А. «Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад». – «Прогресс – Традиция». – М., 1997.
8. Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. – М., 2001.
9. Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблемы соотношения // Общественные науки и современность. – 2002. – № 5.
10. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – СПб., 1999. – Т. 2.
11. Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистский альтернатива в национальной политике России. – М., 2003.
12. Перегудов С.П. Гражданское общество как субъект публичной политики // Полис. – 2005. – № 2.
13. Селунская Н.Б., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX в. – М., 2005.
14. Сморегунова В.Ю. Гражданское общество и формирование гражданских добродетелей: теоретико-правовые проблемы. – СПб., 2004.
15. Соловьев А.И. Роль политической культуры в становлении и развитии гражданского общества // Проблемы гражданского общества. Материалы научного семинара. Вып. 1.
16. Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв. – М., 1982.
17. Холодковский К.Г. Концепция гражданского общества: смысл и содержание понятия // Проблемы гражданского общества. Материалы научного семинара. – Вып. 1. – М., 2003.
18. Хорос В. Гражданское общество: общие подходы // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 11.
19. Шелохаев В.В. Российские реформы как теоретико-методологическая проблема // Россия в XX веке. Реформы и революции. – М., 2002. – Т. 1. ■